

*Паскалине,
Катрин и Альберу,
с благодарностью и
самыми нежными чувствами*

Во всем, что случилось, был
виноват кто-то другой.

*Уильям Макилванни*¹.
Лэйдлоу

Куда бы ни шел человек, он
несет с собой свой роман.

*Бенито Перес Гальдос*².
Фортуната и Ясинта

Чтобы по-настоящему взволновать
зрителя, герои спектакля должны
переживать настоящие огорчения,
получать кровавые раны и умирать.

*Пьер Корнель*³.
Горацій

¹ *Макилванни, Уильям* (1936–2015) — шотландский романист и поэт. *Лэйдлоу* — политический детектив. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² *Гальдос, Бенито Перес* (1843–1920) — писатель, крупнейший представитель критического реализма в испанской литературе. Прославился серией исторических романов «Национальные эпизоды. 1872–1912» в 46 томах. К 1912 году полностью ослеп, но продолжал диктовать свою прозу.

³ *Корнель, Пьер* (1606–1684) — французский поэт и драматург, «отец» французской трагедии; член Французской академии (1647).

**6 АПРЕЛЯ
1940 ГОДА**

Верившие в скорое начало войны давно устали ждать, и раньше других — мсье Жюль. Всеобщую мобилизацию провели полгода назад, и хозяин «Маленькой Богемы» сдался. Луиза даже слышала, как он сказал, что «никто в нее и не верил, в эту войну». По его мнению, конфликт был не чем иным, как общеевропейской дипломатической сделкой, украшенной пламенными патриотическими речами и громогласными заявлениями, гигантской шахматной партией, в которой призыв под знамена сыграл роль дополнительного тура. Тут и там погибли люди — «Наверняка больше, чем нам говорят!», сентябрьская заварушка в Сааре¹ стоила жизни двум-трем сотням бедолаг, но: «Это все равно не война!» — заявлял ресторатор, высунувшись из приоткрытой двери кухни. Выданные осенью противогазы валялись на буфете, став предметом насмешек в комиксах. Все покорно спускались в бомбоубежища, совершая бесполезный ритуал, это были воздушные тревоги без налетов, затянувшаяся война без сражений. Только враг остался прежним, тот, с которым предстояло схватиться в третий раз за полвека, но он не собирался ввязываться в бой очертя голову.

¹ Наземная наступательная операция французских сухопутных войск в Сааре, организованная в начале Второй мировой войны и продолжавшаяся с 7 по 16 сентября 1939 г. Ее целью было отвлечь немецкие силы и оказать косвенную помощь Войску польскому, которое в то время безуспешно пыталось организованно сопротивляться немецким войскам.

Дошло до того, что весной Генштаб позволил солдатам на фронте (тут мсье Жюль перекидывал тряпку в другую руку и воздевал указательный палец к небу, желая подчеркнуть немереный идиотизм ситуации)... завести огороды! «Вот ей-богу...» — вздыхал он.

Начало боевых действий на севере Европы (слишком далеко, на его взгляд) взбодрило беднягу, и он доказывал всем и каждому, кто соглашался слушать, что «союзники у Нарвика¹ задали такую взбучку Гитлеру, что долго это не продлится!». Считая тему закрытой, мсье Жюль переходил к любимым объектам критики — инфляции, цензуре ежедневных газет, времени без аперитива, блиндажам, авторитаризму властей районного очага (и в первую очередь старого хрыча Фробервиля), расписанию затемнений, цене на уголь... Неприкасаемым для критики оставалась только стратегия генерала Гамелена², которую Жюль считал безупречной.

— Полезут они через Бельгию, это как пить дать. А там их ждут, уж вы мне поверьте.

Луиза, разносившая клиентам тарелки с ягнятиной по-марсельски и луком-пореем под классическим соусом «винегрет»³, заметила сомнение на лице одного клиента, бормотавшего:

— Ждут-ждут... как же...

¹ Битва при Нарвике (9 апреля — 8 июня 1940) — серия сражений между немецкими армией и флотом с одной стороны и коалиционными силами Англии, Франции и Норвегии — с другой. Эта часть Норвежской кампании — первого этапа активных боевых действий Второй мировой войны в Европе — была проиграна союзниками.

² *Гамелен, Морис Гюстав* (1872–1958) — французский военный деятель, армейский генерал, главнокомандующий французской армией в начале Второй мировой войны.

³ «*Винегрет*» — базовый классический соус французской кухни. Рецепт от Режиса Тригеля, бренд-шефа ресторана «Мост»: хересный уксус — 10 мл; дижонская горчица — 6 г; растительное масло — 50 мл; соль — по вкусу; сахар — по вкусу.

— Ну что ты бубнишь! — возопил хозяин, возвращаясь за стойку. — Откуда еще их ждать, а?

Он сгреб одной рукой подставки под крутые яйца и продолжил:

— Вот тебе Арденны — они неприступны!

Пламенный оратор мазнул по стойке влажной тряпкой.

— А здесь линия Мажино: ее не одолеть! Так откуда же им, черт побери, начинать? Остается только Бельгия!

Закончив наглядную демонстрацию, он с ворчанием удалился на кухню.

— Необязательно быть генералом, чтобы понять это, вот и нечего...

Луиза отвлеклась от спора на военную тему — ее волновали не стратегические выкладки хозяина, а доктор.

Этот человек уже двадцать лет занимал по субботам один и тот же столик у окна в «Маленькой Богеме», и все звали его доктором. Он всегда был вежлив, но немногословен — *добрый день, мадемуазель, добрый вечер, Луиза...* Доктор появлялся около полудня, садился, разворачивал газету, потом заказывал десерт дня — ровным тоном, мягко и приветливо: «Да-да, пирог с вишней, замечательно...» — и Луиза считала за честь обслуживать его.

Доктор читал колонку новостей, смотрел на улицу, ел, допивал графинчик, а в два часа, когда Луиза подсчитывала дневную выручку, поднимался со стула, складывал «Пари-Суар»¹, оставлял ее на уголке стола, клал в блюдце чаевые, кланялся и покидал ресторан. Даже в прошлом сентябре, когда посетители заведения были взбудоражены новостью о всеобщей мобилизации (мсье Жюль в тот день

¹ «Пари-Суар» («Paris-Soir») — крупнотиражная ежедневная газета, аналог «Вечерней Москвы», выходила в Париже с 1923 по 1944 г.

был так страстно красноречив и убедителен, что хотелось поручить ему руководство Генштабом), доктор ни на йоту не отступил от своего ритуала.

И вдруг четыре недели спустя он улыбнулся Луизе, когда она подала на стол анисовое крем-брюле, придвинулся ближе и объяснил, о чем просит.

Предложи он ей деньги, Луиза знала бы, как поступить: дать наглецу пощечину и продолжить делать свою работу. Мсье Жюль, конечно, потерял бы самого давнего клиента, но смирился бы. Дело было не в деньгах, а... Сексуальный подтекст имелся, но...

«Я бы хотел увидеть вас обнаженной, — спокойно произнес доктор. — Один раз. Всего один. Я буду только смотреть, ничего больше».

Ошарашенная Луиза не нашлась что сказать, покраснела, как провинившаяся девчонка, и лишилась дара речи. А доктор вернулся к чтению. Девушка задумалась, уж не померещилось ли ей случившееся...

Весь рабочий день она думала только о странном предложении, испытывая то растерянность, то бешенство и сознавая, что дать отпор следовало мгновенно. Упереть кулаки в бока, как делают базарные торговки, наорать на доктора, призвать в свидетели сидящих за столиками людей, опозорить наглеца... Луиза так разозлилась на себя, что уронила тарелку, та с грохотом разбилась вдребезги на кафельном полу и вывела ее из ступора. Она ринулась в зал.

Доктор ушел.

Газета осталась лежать на столе, она схватила ее и швырнула в мусорную корзину.

— Да что с тобой такое, девочка?! — возмутился мсье Жюль, рассматривавший прессу и забытые зонты как военные трофеи.

Он «спас» злосчастную газету и разгладил ее ладонью, не сводя с официантки недоумевающего взгляда.

Луиза совсем юной начала работать по субботам в «Маленькой Богеме». Мсье Жюль, владелец ресторана, сам стоял у плиты. Крепкий, медлительный, большеносый и лопухий, с чуть скошенным подбородком и седеющими усами, он ходил в старых домашних туфлях, черном берете (никто не видел его с непокрытой головой) и не снимал щегольского фартука, готовя на тридцать человек. «Парижская кухня! — так он называл единственное блюдо, потрясая указательным пальцем, и добавлял, презрительно фыркнув: — Хотят разнообразия, пусть идут через дорогу!» Деятельность мсье Жюля была окутана тайной. Никто не понимал, как этому медведю, не покидавшему своего места за барной стойкой, удается готовить столько вкусной еды. Ресторан не пустовал, мог бы работать по вечерам и в воскресенье и даже расшириться, но мсье Жюль этого не хотел. «Никогда не знаешь, кто войдет, если дверь распахнута настежь... — И добавлял: — Уж я-то знаю...» Многозначительная фраза призвана была интриговать аудиторию.

Именно мсье Жюль когда-то предложил Луизе помогать ему в зале. Это случилось в тот год, когда жена бросила его ради сына угольщика-овернца с улицы Маркаде. То, что начиналось как услуга по-соседски, продолжилось, когда Луиза закончила педагогический институт и получила назначение в учебное заведение на улице Дамремон. Мсье Жюль платил ей из рук в руки, всегда округляя «половинки» до целого франка, и делал это с притворно недовольным видом, словно она требовала денег, а он вынужден был подчиняться.

Луизе казалось, что доктора она знала всегда, потому что росла у него на глазах, вот и усмотрела в просьбе нечто кровосмесительное. Кроме всего прочего, она недавно потеряла мать, и приличный человек не смел предлагать подобное сироте. Вооб-

ще-то, мадам Бельмонт ушла в лучший мир семь месяцев назад, и Луиза уже полгода не носила траур. М-да, аргумент жидковат...

Луиза не понимала, что такого должен был воображать себе этот старик, чтобы захотеть увидеть ее обнаженной. Она разделась и встала перед высоким, от пола почти до потолка, зеркалом. Тридцать лет, плоский живот, сексуальный треугольник внизу живота. Луиза повернулась боком. Ей никогда не нравилась собственная грудь — слишком маленькая! — а вот попка была хороша. От матери она унаследовала личико эльфа, высокие скулы, ясные голубые глаза и красивый большой рот. Даже ребенком Луиза редко улыбалась и была немногословна, но первым, на что люди обращали внимание, были ее губы. В квартале серьезность характера приписывали пережитым ею испытаниям: в 1916-м она потеряла отца, через год — дядю и осталась с погружившейся в депрессию матерью, которая большую часть времени недвижно сидела у окна, уставившись во двор. Первым человеком, одарившим Луизу добрым взглядом, стал ветеран Великой войны¹, лишившийся половины лица из-за взрыва снаряда. Какое уж тут детство...

Луиза была красива, но никогда этого не признавала. «Вокруг полно девушек куда более хорошеньких!» — часто повторяла она себе. Молодая учительница отвергала любые «авансы» коллег, директора, отцов своих учеников и игнорировала любые попытки «тактильного контакта» в школьном коридоре на перемене. Ничего особенного ведь не происходило, мужчины — все, всегда и всюду — вели себя подобным образом. Воздыхателей у Луизы хватало. Один из них, Арман, ухаживал за ней пять лет, у них даже состоялась официальная помолвка (Луиза была не из тех, кому плевать на сплетни со-

¹ Первая мировая война (1914–1918).

седей!). Отпраздновали пышно: мадам Бельмонт охотно уступила матери Армана честь и удовольствие организовать «все как положено». Были прием, угощение, благословение, больше шестидесяти приглашенных и мсье Жюль в чуть тесноватом фраке (позже Луиза узнала, что он был взят напрокат в театральном магазине), брюках, которые почтенный ресторатор привычно поддегивал (как делал всякий раз, выходя из кухни), и лакированных штиблетах (его ступни напоминали ножки китаянки!). Жюль вел себя по-хозяйски — под тем предлогом, что закрыл ресторан и предоставил зал для праздника. Торжество Луизу не интересовало, ей не терпелось лечь с Арманом в постель — она очень хотела ребенка, но так и не понесла...

История затянулась. Жители квартала недоумевали. На обрученных стали поглядывать с подозрением, даже неприязненно. С какой это стати пара валандается друг с другом три года, а в церковь не идет? Арман настаивал на венчании, Луиза ждала беременности. Большинство девушек молят доброго Господа, чтобы уберечь их до брака, Луиза ставила железное условие: нет ребенка — не будет и свадьбы. А его все не было...

Она сделала последнюю отчаянную попытку. Раз не получается завести своих, возьмем сироту из приюта, в несчастных малютках недостатка нет. Арман воспринял слова Луизы как оскорбление своей мужественности. «Давай уж тогда подберем помойного пса, ему тоже требуется забота!» — сказал он, и разразился скандал. Ругались Арман с Луизой как супруги со стажем, но на сей раз он в ярости хлопнул дверью, ушел и не вернулся.

Луиза вздохнула с облегчением — она считала «виноватым» жениха. О, как же наслаждались кумушки, строя предположения и перемывая косточки! «Ну не нравится он малышке! — кипятился мсье Жюль. — Хотите выдать ее замуж против

воли?» Окоротив злопыхателей, он попытался вразумить Луизу: «Сколько тебе лет, дорогая? Твой Арман хороший человек, это ли не главное?» Помолчав, он добавлял: «Ребенок, ребенок, будет тебе ребенок, дай время!» — возвращался на кухню, боясь загубить бешамель...

О расставании с Арманом Луиза не жалела, гоняла только о нерожденном малыше, неутоленное желание превратилось в навязчивую идею. Ей во что бы то ни стало хотелось иметь ребенка — любого, пусть бы даже он сделал ее несчастной, причиняя одни неприятности. Луиза не могла смотреть на грудничков в колясках, проклинала себя, ругала, просыпалась среди ночи, уверенная, что рядом кричит младенец, вскакивала, ударялась об углы, выбегала в коридор, открывала дверь и... слышала голос: «Это был сон, дорогая...» Мать обнимала ее и провожала до постели, как маленькую девочку.

Дом уподобился кладбищу. Сначала она закрыла на ключ комнату, где собиралась устроить детскую. Потом стала почевать там тайком от матери (та, конечно, все видела) — спала на полу, под тонким одеялом.

Мадам Бельмонт, обеспокоенная горячкой дочери, то и дело прижимала ее к груди, гладила по волосам и говорила, что преуспеть в жизни можно и без детей, она точно знает.

«Это ужасно несправедливо, — соглашалась Жанна Бельмонт, — но... возможно, природе угодно, чтобы ты сначала нашла для малыша папу...»

Добрая женщина повторяла пустые слова о Матери Природе, которые ей внушили в школе...

— Знаю, знаю, тебя раздражают мои слова, но... попробуй сделать все в правильном порядке. Вот встретишь хорошего мужчину, а потом...

— У меня был мужчина!

— Был, да не тот!

И Луиза начала заводить тайных любовников. Спала с мужчинами из разных кварталов, подальше от своего дома и школы. Поймав на себе взгляд молодого человека — в автобусе или другом общественном месте, она отвечала максимально сдержанно (но все-таки отвечала!), чтобы не оскорблять общественную мораль, а два дня спустя лежала, глядя на трещины в потолке, вскрикивала в положенные моменты и уже на следующий день принималась ждать месячных. Ждала, думая о ребенке, и внушала себе: «Пусть делает со мной что хочет...» — как будто обещание крестной муки могло облегчить малышу приход в этот мир. Луиза понимала, что больна, и не могла не тревожиться.

Она снова начала ходить в церковь. Ставила свечи, каялась в мифических грехах, чтобы заслужить искупление, и видела во сне, как дает грудь ребенку. Если кто-то из любовников брал в рот ее сосок, девушка заливалась слезами. *Убила бы всех этих мерзавцев!*

Луиза подобрала бездомного котенка и порадовалась его замурзанности, мыла его, расчесывала, проветривала, окончательно избаловала и до невозможности раскормила, он стал переборчив и эгоистичен. Именно это ей и требовалось, так она искупала мнимую вину в бесплодии. Жанна Бельмонт называла кота ходячим бедствием, но не возражала против его присутствия в доме.

Устав от бессмысленной гонки за недостижимым, Луиза сходила к доктору и услышала безжалостный приговор: беременность невозможна из-за проблем с фаллопиевыми трубами вследствие хронического сальпингита¹. В тот же вечер произошел

¹ *Сальпингит* — инфекционное воспаление фаллопиевых (маточных) труб. Хронический сальпингит вызывает бесплодие у женщин. Чем раньше обнаружено и вылечено заболевание, тем благоприятнее его прогноз.

несчастный случай с котом — он попал под машину перед входом в «Маленькую Богему». Мсье Жюль считал это удачным избавлением от доуки...

Луиза забыла о мужчинах, стала невозможно раздражительной и начала ненавидеть себя. По почам она билась головой о стену, а утром в зеркале видела, как нервно дергается лицо, все больше приобретая черты женщины, которую Всевышний за что-то лишил радости материнства. Ее коллега Эдмонда и хозяйка табачной лавки мадам Круазе тоже были бездетны, но обеих это ничуть не заботило, а Луиза чувствовала себя униженной.

Вспыльчивость молодой женщины отпугивала ухажеров. Даже клиенты ресторана, прежде позволявшие себе небольшие вольности, перестали заигрывать с ней. Она была холодной и отстраненной. В школе ее называли Джокондой — конечно, не в глаза, как можно! — и в этом прозвище было мало дружеского чувства. Луиза сделала очень короткую стрижку, чтобы наказать предавшее ее женское естество. Эффект получился неожиданный — она стала еще красивее и иногда пугалась себя: не хотела возненавидеть детей и кончить, как сумасшедшая мадам Гено, вызывавшая к доске самых строптивых мальчишек и заставлявшая их снимать штаны перед всем классом. На переменах она ставила непослушных девочек в угол и держала там так долго, чтобы они описались.

Луиза часто стояла обнаженной перед зеркалом и думала, думала, думала... Она вдруг осознала, что, каким бы аморальным ни было предложение доктора, оно ей польстило: ей не хватало мужского внимания.

Следующая суббота принесла облегчение. Он, видимо, тоже осознал нелепость ситуации и не повторил просьбы. Приветливо улыбнулся, поблагодарил

и, как делал всегда, погрузился в чтение. Луиза никогда особо не приглядывалась к этому человеку, а тут решила: почему бы и нет? Ее первая реакция объяснялась просто — в докторе не было ничего подозрительного и двусмысленного. Длинное усталое лицо с резкими чертами. На вид — лет семьдесят, впрочем, она была несильна в определении возраста и часто ошибалась. Много времени спустя она вспомнит, что находила в нем нечто этрусское. Слово было не из ее лексикона и казалось удивительным. На самом деле она хотела назвать его римским — из-за крупного носа с горбинкой.

Мсье Жюльа всерьез взбудоражила новость о том, что за коммунистическую пропаганду вот-вот начнут карать смертной казнью. Он предлагал пойти еще дальше. («Я бы и их адвокатов послал на гильотину... А почему нет?») Луиза убирала соседний столик, когда доктор встал и обратился к ней, понизив голос:

— Я, конечно же, заплачу, сколько скажете... Хочу еще раз подчеркнуть, что буду только смотреть, так что ничего не опасайтесь.

Он застегнул верхнюю пуговицу пальто, надел шляпу, улыбнулся и спокойно вышел, махнув на прощание рукой мсье Жюлю, обличавшему Мориса Тореза¹. («Наверняка в Москву сбежал, скотина! Расстрельный взвод, говорю вам, расстрельный взвод!») Застигнутая врасплох, Луиза едва не уронила поднос. Мсье Жюль отвлекся от политики и спросил, бросив на нее удивленный взгляд:

— Тебе нехорошо, девочка?

¹ *Торез, Морис* (1900–1964) — французский государственный и политический деятель, руководитель французского и международного рабочего и коммунистического движения, генеральный секретарь Французской коммунистической партии (1930–1964).

Всю следующую неделю она копила злобу, решив высказать престарелому психу все, что накопило, едва дождалась субботы, но появившийся доктор неожиданно показался ей жалким и слабым... Луиза подавала еду, меняла приборы и ломала голову, почему вдруг остыл ее гнев. Наверняка все дело в обыденном спокойствии доктора. Она растерялась, а он и не думал: улыбнулся, заказал дежурное блюдо, прочел газету, доел, а уходя спросил:

— Итак, вы решили, сколько хотите?

Луиза покраснела — что она творит? Шепчется со старым доктором, на глазах у хозяина! — и почти грубо процедила сквозь зубы:

— Десять тысяч франков!

Он кивнул — «Понимаю...» — застегнул пальто, надел шляпу.

— Договорились...

Когда он вышел на улицу, мсье Жюль поинтересовался:

— У тебя с ним проблемы?

— Вовсе нет, с чего вы взяли? — удивилась Луиза.

Ресторатор небрежно махнул рукой — да ни с чего, интересуюсь на всякий случай.

Луизу напугала сумма. Она принимала заказы, подавала еду, убирала грязные тарелки, пыталась мысленно составить список того, что сможет себе позволить на десять тысяч франков, и понимала, что согласится. Присмет предложение. Разденется за деньги. Как шлюха. Осознав этот факт, Луиза почувствовала облегчение, потому что именно так к себе и относилась. Пытаясь приободриться, она говорила себе: «Уж наверное, это не страшнее, чем раздеться на приеме у врача...» Одна из ее коллег позировала в Академии живописи и рассказывала, что это скучное занятие и главное — не простудиться.

Десять тысяч ф́ранков... Нет, невозможно! Никто не выкладывает такую прорву денег за раздевание. Он захочет чего-то другого. За подобную сумму он мог бы поиметь... Тут воображение буксовало, Луиза не могла представить, что конкретно способен потребовать мужчина за десять тысяч.

Доктор, видимо, рассуждал примерно так же, иначе почему хранил молчание? Прошла неделя. Другая. Третья. Луиза спрашивала себя: «Ты не позадничала, девочка? Он ведь может найти кого-нибудь посговорчивей...» Это было так обидно, что она ставила тарелки на стол чуть резче, чем допускали правила приличного заведения, издавая короткий горловой звук, когда он к ней обращался, короче — была худшим образцом официантки.

В конце рабочего дня Луиза протирала губкой столик и вдруг боковым зрением заметила доктора. Он курил, стоя на углу и терпеливо ждал. Луиза тянула, сколько могла, но все имеет конец: она надела пальто и вышла, надеясь, что доктор отправился домой. Увы, надежда оказалась тщетной...

Луиза подошла совсем близко, и старик улыбнулся. «Мне казалось, что он выше ростом...» — мелькнула в голове дурацкая мысль.

— Выбирайте место, Луиза. Пойдем к вам? Или ко мне?

«К нему? Ни за что, слишком опасно! Ко мне? Исключено, соседи могут увидеть...»

Никаких соседей у Луизы не было, но сама мысль показалась ей дикой.

Доктор предложил отправиться в отель.

«Отель — это все равно что дом свиданий, мне подходит...»

Он предвидел такое решение и протянул ей страничку из блокнота.

— Условимся на пятницу? На шесть вечера? Я сниму номер на фамилию Тирьон.

Он сунул руки в карманы.

— Спасибо, что согласились...

Луиза убрала листок в сумку и вернулась домой.

Рабочая неделя обернулась крестной мукой.

Идти? Не идти? Она меняла решение десять раз на дню и двадцать раз за ночь. Что, если все повернется плохо? Отель «Арагон» находился в Четырнадцатом округе, и в четверг Луиза отправилась на разведку. Она была перед входом, когда завывли сирены. Воздушная тревога.

Луиза поискала взглядом, где бы укрыться, и вдруг услышала голос:

— Идемте...

Раздосадованные клиенты гуськом покидали здание. Старая женщина взяла Луизу за руку: «Сюда, в эту дверь...» Лестница вела в подвал. Люди деловито зажигали свечи, никто не удивлялся, что у Луизы нет с собой сумки с противогазом, — половина жильцов полупансиона не считали уродливые маски серьезной защитой. Судя по всему, люди были хорошо знакомы друг с другом, на нее сначала поглядывали, потом толстопузый мужчина достал колоду карт, молодая пара разложила шахматную доску, и только хозяйка, женщина с птичьей головой, жгуче-черными волосами, напоминающими парик, и недобрыми серыми глазами, все смотрела и смотрела на «новенькую». Она сидела, кутаясь в тонкую мантилью, поставив острые локти на неправдоподобно худые колени. Вскоре прозвучал сигнал отбоя, и все направились к лестнице. «Сначала дамы!» — провозгласил Картежник, и Луиза подумала, что эта реплика звучит заучено, но, видимо, добавляет ему мужественности. Она поблагодарила хозяйку, и та долго смотрела ей вслед.

На следующий день время помчалось вскачь. Луиза решила, что не пойдет на встречу, но, вернувшись из школы, переоделась, в половине восьмого открыла дверь, едва дыша от страха, открыла ящик кухонного шкафчика, достала мясной нож и сунула его в сумку.

В холле отеля девушку узнала хозяйка — и не сочла нужным скрыть удивление.

— Тирьон... — бросила Луиза, и старуха протянула ей ключ.

— Триста одиннадцатый. На четвертом.

Луизу затошнило.

Она никогда не была ни в одном отеле — никто из Бельмонтов не посещал «места для богатых», тех, кто ездил в отпуск и прогуливался на свежем воздухе. «Отель» — экзотическое слово, синоним дворца, а если произнести особым тоном, то борделя. Это не для Бельмонтов! Но Луиза пришла сюда, услышала тишину, увидела в коридоре потертую, но чистую ковровую дорожку и остановилась у двери перевести дыхание и набраться смелости, чтобы постучать. В этот момент где-то раздался шум, она испугалась, повернула ручку и вошла.

Доктор сидел на кровати, не сняв пальто, как в зале ожидания. Он выглядел совершенно спокойным и показался Луизе таким старым, что она подумала: «Нож могла бы и не брать...»

— Добрый вечер, Луиза.

Голос прозвучал так мягко, почти нежно, что у нее перехватило дыхание.

Мебели в номере оказалось немного — кровать, маленький столик, стул и комод, на котором лежал пухлый конверт. Доктор снова приветливо улыбнулся и слегка наклонил голову, чтобы успокоить гостью. Луиза больше не боялась.

По дороге в отель она приняла некоторые решения: «Сразу скажу, что сделаю только то, о чем дого-

варивались, и добавлю — если вздумаете дотронуться, я немедленно уйду! Потом пересчитаю деньги, не хватало только, чтобы меня надули, как последнюю дуру...»

Теперь, стоя рядом со стариком в узкой комнатухе, Луиза понимала всю бессмысленность составленного плана: все будет тихо и просто.

Она переминалась с ноги на ногу, но ничего не происходило, и девушка, надеясь взбодриться, бросила взгляд на конверт, потом отступила на шаг, повесила пальто на плечики, сняла обувь и — после секундного колебания — платье, скинув руки над головой.

Лучше бы он помог ей, сказал хоть что-нибудь! Номер заполняла непроницаемая жужжащая тишина. У Луизы закружилась голова. «Интересно, он воспользуется мной, если я упаду в обморок?»

Она стояла, он сидел, и эта позиция не давала ему ни малейшего преимущества. Его силой была инертность.

Он смотрел и ждал.

Луиза осталась в белье, но холодно стало доктору, он даже сунул руки в карманы.

Пытаясь успокоиться, она искала в облике мужчины знакомые черты посетителя «Маленькой Богемы» — и не находила их.

Прошли две долгие минуты замешательства, и Луиза решилась — расстегнула бюстгальтер и сняла его.

Доктор посмотрел на женскую грудь — она притягивала взгляд, как луч солнца, — но его лицо осталось бесстрастным. Впрочем, некоторое волнение Луиза различила. Она опустила глаза на свои розовые соски и вдруг почувствовала царапающую душу боль.

Пора заканчивать представление. Она решилась, сняла трусики и уронила их на пол, старик

приласкал ее взглядом и застыл в неподвижности. Его лицо выражало нечто, недоступное пониманию.

Луиза вдруг ужасно испугалась сама не зная чего, решила разорвать тяжелую завесу печали и резко обернулась.

Доктор достал из кармана пистолет и выстрелил себе в голову.

Луизу обнаружили в номере голой. Она сидела на корточках, дрожа крупной дрожью, старик лежал на кровати, на боку, и словно бы спал. Ноги не доставали до пола несколько сантиметров. Несчастней, видимо, так удивился, встретившись взглядом с Луизой, что у него дернулась рука и выстрелом снесло половину лица. На покрывале растекалось кровавое пятно.

Вызвали полицию. Жилец из соседнего номера кинулся к Луизе, но замер, не зная, как поднять женщину на ноги: за подмышки? за талию?

В комнате сильно пахло порохом, и он, стараясь не смотреть на кровать, присел рядом с несчастной на корточки, положил руку ей на плечо, холодное, как у мраморной статуи, и держал, не отпуская, боясь, что она рухнет замертво.

— Ну же, милая, соберитесь, — тихим голосом уговаривал он, — все будет хорошо...

Она смотрела на старика.

Доктор еще дышал, веки опускались и поднимались, глаза смотрели в потолок.

Луиза вдруг обезумела, издала жуткий вопль, начала отбиваться, как средневековая ведьма, которую засунули в мешок вместе со взбесившимся котом, выскочила из номера и помчалась вниз по лестнице.

На первом этаже толпились постояльцы и соседи, сбежавшиеся на выстрел. Она в буквальном смысле слова расшвыряла людей, со сдавленным

криком вылетела на улицу и через несколько секунд оказалась на бульваре Монпарнас.

Прохожие видели не голую девушку, а окровавленный призрак с безумными глазами, какая-то женщина ойкнула, испугавшись, что несчастная кинется под колеса и погибнет. Водители тормозили, кто-то свистел, гудели клаксоны — она ничего не слышала, не видела лиц, махала руками, как будто отбивалась от назойливых насекомых. Никто не знал, что делать, но взволновался весь бульвар. «Кто она?» — «Наверное, сумасшедшая, сбежала из лечебницы, надо бы ее задержать...» Луиза летела к перекрестку. Резко похолодало, она замерзла и посинела.